

УДК 378 (Высшее образование. Высшая школа. Подготовка научных кадров)

**ТЕМА ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В РУССКОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ПРОЗЕ:
ПРОБЛЕМА ПРЕПОДАВАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
В РУСЛЕ ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ МОЛОДЕЖИ**

© 2022 Э.А. Радаева

*Радаева Элла Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской,
зарубежной литературы и методики преподавания литературы*

<https://orcid.org/0000-0003-4209-1951>

E-mail: ellrad@yandex.ru

Самарский государственный социально-педагогический университет
Самара, Россия

Статья поступила в редакцию 01.02.2022

Статья посвящена а) проблеме интерпретации событий Второй мировой войны в современной зарубежной литературе (а именно: многих авторов на сегодняшний день замалчивается роль СССР в Победе над фашизмом, акцент ставится исключительно на геноциде евреев в период войны, но никак не советских граждан в целом); б) вопросам преподавания дисциплины студентам-филологам. Материалом послужил, главным образом, роман М. Зусака «Книжный вор», а также проза П. Модриано, Б. Шлинк. Автор приходит к выводу, что основой патриотического воспитания, на котором делает акцент нынешняя государственная политика не только в средней, но и в высшей школе, на занятиях по истории зарубежной литературы должна, во-первых, стать формула: патриотизм — это любовь к своей стране, а не ненависть к чужой. Во-вторых, необходимо зарубежную литературу (в т.ч. современную) преподавать в контексте русско-зарубежных связей, а также сквозь призму сравнительного анализа произведений отечественных и зарубежных авторов, используя проблемный подход, что будет способствовать также критическому (аналитическому) мышлению. Что касается практического применения результатов исследования, для студентов-словесников целесообразно разработать коллоквиум (6 академических часов) на тему «Тема второй мировой войны в русской и зарубежной прозе», привлекая материал как отечественной, так и зарубежной прозы.

Ключевые слова: патриотическое воспитание, современная зарубежная литература, М. Зусак «Книжный вор», Б. Шлинк, П. Модриано, Г. Бакланов

DOI: 10.37313/2413-9645-2022-24-82-45-53

Введение. В свете геополитических событий последних двадцати, как минимум, лет становится всё более актуальным изучение темы второй мировой войны в истории современной зарубежной литературы. Актуальность обусловлена тревогой и в какой-то мере удрученностью российского общества по поводу того, что за рубежом всё чаще и чаще замалчивается роль СССР в Победе над фашизмом во время второй мировой войны. У зарубежных авторов появляются и соответствующие произведения, где едва ли не единственной трагедией того исторического периода становится геноцид евреев (П. Модриано, Б. Шлинк, М. Зусак и др.). Произведения становятся бестселлерами, их экранизируют, фильмы затем имеют большой успех, становятся популярными и в среде российской молодежи. Это обусловлено следующим.

Так, автор еженедельника «АиФ» Г. Зотов пишет: «Согласно опросам, 80% немцев сейчас не знают, что их деды убили в СССР 27 миллионов человек. ... На ТВ и в прессе не забывают упомянуть: лишь 6 тыс. солдат (из 100 тыс. взятых в плен в Сталинграде) вернулись домой. Однако мало кто в курсе, что в эсэсовских концлагерях были замучены 3 млн советских военнопленных. Граждане ФРГ ужасаются авианалётам союзников - 600 тыс. немцев заживо похоронили под обломками зданий в Берлине, Дрездене, Регенсбурге. И понятия не имеют, что из-за блокады Ленинграда от голода и обстрелов умерло ровно столько же людей... Получается, что покаяние за зверства немецкой армии весьма избирательно. Одному факту посвящены фильмы, ток-шоу и телепередачи, другие обходят молчанием. Даже в Австрии, в городе рядом с экс-концлагерем СС Маутхаузен, я спрашивал прохожих, кого именно

убивали в бараках. Мнения разделились. «Кажется, евреев», - сказал один человек. «Коммунистов», - вспомнил второй. Русских не назвал никто, а ведь 39% узников Маутхаузена составляли советские военнопленные. Образ Восточного фронта в мыслях современных немцев - снега, ужасы штурма горящего Берлина и потерявшие человеческий облик солдаты в Сталинграде. Отмечая 9 Мая как день разгрома Третьего рейха, Германия всё ещё не осознала масштаба жертв среди населения СССР» [2].

Увлечательность сюжетов вышеуказанных произведений (в литературе и кино), ТВ-передачи, каналы и видеоролики западоориентированных либеральных СМИ в социальных сетях, нарочито скептически относящихся к ежегодным парадам Победы в российских городах, «грозит» тем, что и у нашей молодежи может сформироваться не совсем объективное, на взгляд автора данной статьи, мнение о характере Второй мировой, ее причинах, результатах и роли Советского Союза в победе над фашизмом.

История вопроса. Ранее мы говорили о теме преодоления нацистского прошлого в русской и немецкой литературе – проблема вины и прощения [9] - и пришли к выводу, что резонно параллельное изучение, например, творчества Б. Шлинка с «лейтенантской прозой» советских писателей (роман «Чтец» Б. Шлинка / повесть «Был месяц май» Г. Бакланова). Из повести советского писателя следует, что немцы после разгрома Германии слишком быстро «сняли сапоги» и перестроились на мирный лад - вины за содеянное не чувствуют, переложив ее на Гитлера. Роман немецкого автора говорит об обратном: ответственно не только воевавшее поколение, но и последующее, и чувство вины не только есть спустя 10, 20, 30 лет, но и будет висеть дамокловым мечом не над одним поколением немцев и далее.

В настоящей же статье автор ставит цель расширить проблему и, соответственно, круг исследования. Это было связано с тем, что в рамках педагогической деятельности в Самарском государственном социально-педагогическом университете (СГСПУ) при опросе студентов выяснилось, что немалой популярностью у читателей пользуется роман австралийского писателя М. Зусака «Книжный вор» (2006). Примечательно, что о Второй мировой войне пишет не европейский, а австралийский относительно молодой писатель

(род. 1975). Однако, как выяснилось, М. Зусак из семьи австрийских эмигрантов, наверняка имеет еврейские корни, поэтому его интерес к теме нацизма вполне объясним. М. Зусак с детства слышал много историй о нацистской Германии, бомбежках Мюнхена и евреях, которые проходили через маленький немецкий городок, где в то время жила его мать. Все эти истории и послужили материалом для романа. Следует отметить, что столь популярные у российского молодого читателя как Б. Шлинка, так и М. Зусак говорят в первую (и в последнюю!) очередь исключительно о геноциде евреев во время Второй мировой. И тема вины в романе и в малой прозе у Б. Шлинка - тема вины исключительно перед евреями. Трагедия Второй мировой у обоих авторов – это трагедия евреев, но никак не многонационального советского народа как такового. Добавим в этот список также нобелевского лауреата, французского писателя Патрика Модяно (1945), также весьма популярного и издающегося в России на русском. Заслуга СССР в спасении мира от фашистской чумы не затрагивается ни у кого. Есть основания полагать, что эта тенденция, учитывая популярность вышеуказанных авторов, не может не вызывать тревогу за молодого российского читателя.

Методы исследования: обзор зарубежной литературы второй половины XX – начала XXI вв., опрос (студентов на базе филологического факультета СГСПУ), сравнительно-сопоставительный анализ произведений русской и зарубежной литературы, педагогический эксперимент: была разработана соответствующая тематика докладов для выступления студентов-бакалавров на конференциях внутривузовского и областного характера (студенты занимали призовые места). В этой связи предполагается расширить работу над вышеуказанной темой до разработки коллоквиумов в рамках практических занятий по дисциплине «История современной зарубежной литературы».

Однако, приступая к анализу поэтики того же романа М. Зусака, приходится столкнуться с тривиальной проблемой: «только начинаешь копать - уже видно дно», как сказал Д. Быков о творчестве С. Кинга.

И это проблема большинства бестселлеров как массовой литературы, а именно «интеллектуальным бестселлером» называют в аннотациях книгу

М. Зусака. Много интереснее стало изучение критических работ по ней. Их всего несколько (во всяком случае, в базе e-LIBRARY) и ракурс собственно филологического исследования вполне предсказуем: 1) нарратор (повествование ведется от лица Смерти – размытый, не имеющий конкретных материальных черт образ, читателю, знакомому с произведением в переводе, известно лишь, что это существо мужского пола (der Tod – смерть (нем.); 2) оппозиции как художественное средство, и в первую очередь – на уровне цветовой гаммы в описаниях; 3) проблематика – тема войны; 4) анализ экранизации книги (2013 г. – «Воровка книг», режиссёр Брайан Персиваль).

Сам сюжет книги сводится к судьбе маленькой девочки Лизель Мемингер, которой в начале романа 9 лет, к концу войны – 14, и прощаемся мы с ней, когда она уже на смертном одре, в Сиднее, где счастливо прожила с мужем и детьми, а рассказчик (Смерть) вручает ей потерянную когда-то ее в детстве книгу ее жизни. Время и место действия четко определено: с 1939 г. – триумфальное шествие фашистской идеологии в Германии, вымышленный автором городок Молькинг, Химмельштрассе (Небесная улица – нем.). Отец Лизель – коммунист («страшное слово», как определила для себя когда-то героиня) – пропал без вести, мать, чтоб спасти ее от расправы фашистов, отдает дочь приемным родителям в провинциальный городок. По дороге туда от воспаления легких умирает младший брат Лизель – глубокая пожизненная травма для маленькой героини. Лизель поселяется в бедной семье маляра и прачки (Ганса и Розы Хуберманов). Новая «мама» внешне грубовата (постоянно называет ее «свинухой»), но глубоко внутри очень добра и отзывчива – Лизель это понимает. «Папа» мягок и добросердечен – именно он научил Лизель читать. И читать она научилась по маленькой книге, которую украла на кладбище во время похорон брата – «Наставления могильщикам» – инструкции вполне «технического» характера: какой глубины, длины и ширины копать могилу, ритуальные детали и пр. Таким образом, мотив смерти, могильная тема – неизменные спутники войны – преследуют главную героиню на протяжении всего романа. У Лизель детские годы не лишены простых радостей – она играет с мальчишками, один из которых – Руди Штайнер – затем становится ее первой любовью. Германия (и непосредственно Химмельштрассе) делится в то время на фашистов и антифашистов. Приемные родители Лизель не

поддерживают идеологию Гитлера, но всячески скрывают это, боясь преследования властей. Они на протяжении нескольких лет скрывают в подвале дома молодого еврея – Макса Ванденбурга – отец которого когда-то, во время первой мировой войны, спас жизнь Гансу, поэтому тот чувствовал себя обязанным старому другу. Макс и Лизель также становятся лучшими друзьями, близкими по духу людьми. Макс, «маскируясь» от фашистов, вез с собой «Mein Kampf», а поселившись в подвале, закрашивал страницы белым и поверх текста Гитлера написал свою историю (вызов Гитлеру, спор с ним, открытый бой), что тоже глубоко символично в романе. Лизель ворует книги – то из горы сжигаемых, то из библиотеки жены бургомистра. Она читает их взахлеб, хотя это лишь приключенческая, детективная литература. Однако книги ее и спасли: во время бомбежки она сидела в подвале и писала свою историю, тогда как в эти минуты погибли ее уже столь любимые приемные родители.

Возвращаясь к обзору критических работ, следует отметить, что это большей частью исследования молодых ученых. Так, Е.Э. Комова [5] рассматривает роман с точки зрения креолизованного текста в мировой литературе, смысл которого образуется несколькими знаковыми системами, анализирует причины включения автором в роман вербальных и невербальных (иконических) элементов. Отдельное внимание уделяется образу автора и способу повествования в романе «Книжный вор». А. Киселева указывает на то, сколько потерял роман от экранизации Б. Персиваля, т.к. чтобы уложиться в формат киноленты, режиссеру пришлось «вырезать» много знаковых моментов: «Он (Смерть – Э.Р.) складывает флаг Третьего рейха из разных тонов неба, отмечает, что больше всего любит небо цвета темного, темного шоколада, а также пеняет людям, что те не умеют отвлекаться, чтобы оценить окружающую красоту» [5, с. 133].

В романе действительно много внимания уделяется цвету (например, серый цвет – цвет Европы, согласно мнению рассказчика). И здесь возникает камень преткновения у исследователей. Так, М.Д. Якшибаева утверждает: «Самым масштабным противопоставлением в романе о Второй мировой войне является оппозиция «Германия – Россия», представляющая воюющие друг против друга страны. Так, Германия у автора ассоциируется с красным цветом: «*Последний раз, когда я видел ее, небо было красным. Оно*

напоминало похлебку, размешанную и кипящую. В некоторых местах оно пригорело. В красноте мелькали черные крошки и катышки перца» [1, с. 16]. И совершенно в другом цвете представлен образ России: «Некоторые сведения о Сталинграде: в 1942-м и в начале 1943-го небо в этом городе каждое утро выцветало до белой простыни» [1, с. 54]. М. Зусак делает акцент на том, что белый – цвет мира, чистоты, что не Россия развязала эту страшную войну. Небо фашистской Германии окрашивается в страшный красный цвет, отождествляющийся с насилием, жестокостью, кровью. Здесь автор использует антитезу в контексте, так как красный не является буквально противоположностью белому» [11, с. 470]. Но стоит заметить, что на этом «противопоставление» и заканчивается. Даже в самой работе М.Д. Якшибаевой далее говорится о еврейской теме и о мужестве маленькой героини-немки. Отчасти в этой связи такая антитеза выглядит надуманной. Кроме того, не всегда белый цвет следует рассматривать как приметку мира и чистоты. Иногда это бывает цвет смерти. А в рамках художественного мира романа, на наш взгляд, – скорее, цвет Чистилища. Слово «Сталинград» в романе М. Зусака вполне справедливо звучит как нечто злое для фашистской Германии, как конец всего. Так, примечателен следующий эпизод: (диалог сына с отцом)

– Тебе всегда было плевать на страну! – сказал Ганс-младший. – Тебе она безразлична.

Папины глаза стало разъедать. Ганса-младшего это не остановило. Чего-то ради он посмотрел на девочку. Торчком расставив на столе три свои книжки, будто для разговора, Лизель беззвучно шевелила губами, читая в одной.

– И что за дрянь читает девчонка? Ей нужно читать «Майн кампф».

Лизель подняла глаза.

– Не беспокойся, Лизель, – сказал Папа. – Читай, читай. Он не понимает, что говорит.

Но Ганс-младший не сдавался. Он подступил ближе и сказал:

– Или ты с фюрером, или против него – и я вижу, что ты против. С самого начала был. – Лизель следила за лицом Ганса-младшего, не отрывая глаз от его тощих губ и твердокаменного ряда нижних зубов. – Жалок человек, который может стоять в сторонке, сложа руки, когда вся нация выбрасывает мусор и идет к величию.

...Все ждали следующих слов.

Их произнес сын. Всего два.

– Ты – трус. – Он опрокинул их Папе в лицо и немедленно вышел вон из кухни, из дома.

Вопреки всей бесполезности, Папа вышел на порог и закричал вслед сыну:

– Трус? Я трус?!

Мальчик ушел.

Да, мальчик ушел, и я был бы рад сообщить вам, что у молодого Ганса Хубермана все сложилось хорошо, но это не так.

Испарившись в тот день во имя фюрера с Химмель-штрассе, он помчался сквозь события другой истории, и каждый шаг неминуемо приближал его к России.

К Сталинграду [3].

И далее идет достаточно хладнокровная вставка – сухие сведения:

* * * НЕКОТОРЫЕ СВЕДЕНИЯ О СТАЛИНГРАДЕ * * *

1. В 1942-м и в начале 43-го небо в этом городе каждое утро выцветало до белой простыни.

2. Весь день напролет, пока я переносил по небу души,

простыню забрызгивало кровью, пока она не пропитывалась

насквозь и не провисала до земли.

3. Вечером ее выжимали и вновь отбеливали к следующему рассвету.

4. И все это, пока бои шли только днем [3].

Более так называемая «русская тема» в романе не звучит. В этой связи хочется уделить особое внимание вполне справедливой, на наш взгляд, точке зрения школьного педагога со стажем. Е.А. Ясакова отмечает: «...Маркус Зусак неоднократно упоминает Сталинград и не скрывает своего сочувствия к немецким солдатам, оказавшимся в ледяных российских просторах на берегу Волги. Интерпретируя соответствующие сцены «Книжного вора», на уроке целесообразно обратиться к эпизодам из повести Виктора Некрасова «В окопах Сталинграда» или романа Юрия Бондарева «Горячий снег» [6, с. 71]. И это связано с серьезной проблемой преподавания литературы, патриотического воспитания: «Сегодня искажаются или замалчиваются факты, связанные с массовым героизмом советского народа в годы Великой Отечественной войны. Если раньше фигурой памяти был советский солдат, национальный герой, то сегодня все чаще ею становится

вненациональная жертва. Подобная тенденция в освещении итогов Второй мировой войны прослеживается не только в зарубежных СМИ, но и в общественно-политической и культурной жизни современной России [6, с. 67]. «При этом автор «Книжного вора» ставит своей целью показать, что немецкий народ в годы Второй мировой войны – не меньшая жертва Гитлера, чем любой другой. Что же касается боли и страданий людей, живущих на востоке, то об этом читатель узнает мимоходом. Автор озвучивает формулу, уже давно принятую в Европе: Сталин и Гитлер – близнецы-братья. Вот что говорится от лица Смерти в шестой части «Почтальон снов»: «Не кривлю душой (понимаю, что уже слишком много жалею) – я еще не оправился от Сталина в России. Так называемой «второй революции» – истребления собственного народа. И тут Гитлер...» [Зусак 2018: 339]. Читатель, следующий за логикой автора, должен понимать это так: Гитлер – это еще полбеда, ведь он не истреблял свой собственный народ в отличие от зловещего Сталина. Нельзя допустить, чтобы дети и подростки остались с этой и подобной ей книгами один на один, не получив в качестве альтернативы другую картину о происходящем в годы Великой Отечественной войны в нашей стране. И здесь мы снова говорим не просто об интерпретации художественного текста, а именно о формировании духовно-нравственных и культурных ценностей. Нельзя допустить, чтобы искажались исторические реалии» [12, с. 70].

Замалчивается этот аспект проблематики произведения и в мировой прессе – к русскому изданию приводятся лишь те выдержки, в которых говорится исключительно о мастерстве писателя:

«Книжного вора» будут превозносить за дерзость автора... Книгу будут читать повсюду и восхищаться, поскольку в ней рассказывается история, в которой книги становятся сокровищами. А с этим не поспоришь. New York Times.

Элегантная, философская и трогательная книга. Прекрасная и очень важная. Kirkus Reviews.

Этот увесистый том – немалое литературное достижение. «Книжный вор» бросает вызов всем нам. Publisher's Weekly.

Роман Зусака – туго натянутый трос канатоходца, сплетенный из эмоциональной пластичности и изобретательности. The Australian.

Триумф писательской дисциплины... один из самых необычных и убедительных австралийских романов нового времени. The Age.

Стремительная, поэтичная и великолепно написанная сказка. Daily Telegraph.

Литературная жемчужина. Good Reading [6].

Со своей стороны согласимся, что тенденциозность в подаче событий Второй мировой войны в современной художественной литературе чувствуется весьма явственно.

Вспоминаются и произведения П. Модиано. Этот современный французский писатель также лауреат Гонкуровской премии 1978 г., премии Большой премии Французской Академии 1972 г. и многих др. – П. Модиано, который, по его же словам, постоянно «копается в прошлом», и Нобелевская премия которому была вручена «...за искусство памяти, благодаря которому он выявил самые непостижимые человеческие судьбы и раскрыл жизненный мир человека времен оккупации». Здесь не без иронии позволим себе отметить: за искусство очень избирательной памяти.

Обратимся к двум его романам: «Улица Темных лавок» (1978) и «Дора Брюдер» (1997). Сюжеты обоих произведений – вокруг второй мировой. Именно вокруг. Образно говоря, позиция автора сводится к следующему (в «Улице Темных лавок»): жили себе французы (не тужили) – и вдруг война, подобно «старухе с клюкой». Играли в гольф, занимались конным спортом, слушали тапёров в уютных рестораниках, занимались искусством, дарили красоту, делали моды... Смеялись, разговаривали, дружили, любили. Оккупация внесла в их души подавленность и смятение, вынудила их покинуть родину, создала атмосферу некоего дискомфорта. Кто-то отправился в кругосветное путешествие на пароходе, кто-то – в Швейцарию. Всё это очень печалит автора-повествователя.

Роман «Дора Брюдер» посвящен теме геноцида евреев: о том, как рассказчик решил начать поиски одной еврейской девушки, которая исчезла в период оккупации. С глубоким психологизмом раскрывается сложный духовный мир рассказчика, мотивы, подтолкнувшие его к столь трудным поискам. Всё это выглядит в итоге будто бы безотчетным и ни во что не выливается. Но стоит возвратиться к исходной посылке: жили себе французы (не тужили) – и тут эти немцы... а потом эти советские солдаты («Улица темных лавок»). Немецкие солдаты, советские солдаты – всё это одного поля ягоды и дурно пахнет – мешает французам беспечно жить и наслаждаться жизнью.

В этой связи вспоминаются слова Л. Улицкой, хоть и не касательно творчества П. Модиаго: «Вы знаете, мы все с легким таким снисходительным относимся к французам, потому что мы-то молодцы. А французы – вот, они немцам сдали свою страну. Сейчас прошли годы – Париж стоит, они его сохранили, они сохранили культуру. Да, конечно, французы не молодцы, а мы молодцы. Но страна была разрушена, народу погибло ужасное количество... У Победы есть цена. Потому что миллионы погибших людей – это, конечно, очень большая цена. Французы своих уберегли на самом деле» [Цит. по: 9]. На это заявление последовал резкий ответ другого современного отечественного писателя – Захара Прилепина – о том, какой ценой для советского народа кто-то «сохранил людей» и какую цену заплатил советский народ за освобождение тех же людей: «Высокая цена? Не надо было платить? Отвечать Улицкой должен, конечно, не я. ... Впрочем, и сегодня есть кому ответить. У Александра Моисеевича Городницкого – пережившего ленинградскую блокаду в 10-11-летнем возрасте, то есть знающим заплаченную цену в тысячу раз больше, чем Людмила Евгеньевна, – так совпало, уже есть стихи, написанные ровно по тому же самому поводу:

Вспомним блокадные скорбные были,
Небо в разрывах, рябое,
Чехов, что Прагу свою сохранили,
Сдав её немцам без боя.
Голос сирены, поющей тревожно,
Камни, седые от пыли.
Так бы и мы поступили, возможно,
Если бы чехами были.
Правы бельгийцы, мне искренне жаль их, –
Брюгге без выстрела брошен.
Правы влюблённые в жизнь парижане,
Дом свой отдавшие бошам.
Мы лишь одни, простофили и дуры,
Питер не выдали немцам.
Не отдавали мы архитектуры
На произвол чужеземцам.
Не оставляли позора в наследство
Детям и внукам любимым,
Твёрдо усвоив со школьного детства:
Мёртвые сраму не имут"») [9].

Важно отметить, что во второй половине XX в. зарубежные писатели часто обращались к теме Второй мировой, и позиция автора, как правило, зависела от того, какую роль в этой войне сыграли

его соотечественники. В мировой прессе была проведена параллель между романами М. Зусака и Курта Воннегута. Курт Воннегут, американский писатель немецкого происхождения, принадлежал к числу тех (в США), кто изображал войну несколько юмористически (ведь для Америки эта война была больше коммерческой операцией). Но даже у К. Воннегута есть эпизоды поистине героического отстаивания заслуг Советского Союза в этой войне – и это при всей патриотической настроенности героя. Здесь мы имеем в виду эпизод из романа «Бойня номер пять, или Крестовый поход детей» (1969), когда американских военнопленных в Германии (за два дня до разрушения Дрездена) посетил некий Кэмбл – американец, ставший нацистом. «Кэмбл стал предлагать американцам всякую еду: бифштексы с картофельным пюре с подливкой, мясные пироги – все будет, как только они согласятся вступить в «Свободный американский корпус».

– А как только разобьем русских, вас репатрируют через Швейцарию.

Все молчали.

– Все равно, раньше или позже вам придется драться с коммунистами, – сказал Кэмбл. – Так не лучше ли сейчас разделаться с ними сразу?

И вдруг выяснилось, что Кэмблу эти слова даром не пройдут – Бедный старый Дарби, школьный учитель, обреченный на смерть, с трудом поднялся на ноги – и тут настала лучшая минута его жизни. В нашем рассказе почти нет героев и всяких драматических ситуаций, потому что большинство персонажей этой книги – люди слабые, беспомощные перед мощными силами, которые играют человеком. Одно из самых главных последствий войны состоит в том, что люди в конце концов разочаровываются в героизме. Но в ту минуту старый Дарби стал героем.

...И Дарби взволнованно заговорил об американской конституции, обеспечивающей свободу, и справедливость, и всяческие возможности, и честную игру для всех. Он сказал, что нет человека, который с радостью не отдал бы жизнь за эти идеалы.

Он говорил о братстве американского и русского народов, о том, как эти две страны изничтожат нацистскую чуму, которая грозит заразить весь мир [1].

Напомним, что это лишь эпизод, который почти не нарушил общую ироническую тональность

романа К. Воннегута, однако был важен для определения объективности авторской позиции.

У М. Зусака же страна-освободитель не была удостоена и эпизода.

И здесь вновь обратимся к тревожным сигналам, обозначенным Е.А. Ясаковой: «Современные педагоги, школьники и студенты активно пользуются материалами «Argamas», и подобной интерпретации произведений художественной литературы на военную тему придерживаются многие читатели. Поэтому вряд ли случайно в средствах массовой информации раздаются голоса, что пришло время, и потомки жертв и палачей должны объединиться в общем поле памяти и простить друг другу все. При этом к фашистским палачам и жертвам относят палачей и жертв так называемых тоталитарных режимов, имея в виду, прежде всего, сталинскую эпоху советского периода. В итоге фашистская Германия из позиции палача постепенно переходит в позицию жертвы. И наоборот. Так как же говорить о войне и о Победе с детьми и подростками? В интервью «Память и политика: как говорить с подростками о войне», которое дал популярному интернет-журналу «Папмамбук» Илья Бернштейн, отвечая на вопрос, почему он решил переиздать книги, посвященные Великой Отечественной войне, ответил: «... в нашем обществе сегодня очевидно нарастает политическое противостояние разных сил». <...> Тема Великой Отечественной войны становится политическим оружием. Учителям литературы и библиотекарям, по мнению И. Бернштейна, «свойственно одно из двух настроений. Первое: все, что написано о войне, несет на себе печать советской доктрины и потому вызывает отторжение. Второе: книги, в которых сконцентрированы человеческая боль и трагические переживания, – излишне травматичны. И педагогам это не нравится. Они предпочитают на таких книгах внимание не заострять. <...> При этом необходимо помнить и о том, что пятнадцати – семнадцатилетние подростки весьма критически относятся к предлагаемой им готовой интерпретации хрестоматийных произведений, они

протестуют против подавления их самостоятельности в области литературы, и прежде всего это касается выбора текстов для чтения. Ситуация, когда педагог навязывает в качестве образца какую-то книгу, может стать весьма проблематичной, так как рождает либо банальное нежелание читать, либо такое явление, как двоемыслие. Также необходимо принять во внимание и тот факт, что «на рубеже любых веков происходит распадение «цепи времен»... Культурная память перестает функционировать, что называется приватно: то, что мог передать дед сыну и внуку, правнуком как актуальная для него ценность уже воспринято не может». В связи с этим педагоги должны быть готовы к непростому разговору о новых книгах, которые оказываются в круге чтения старших школьников» [12, с. 68-69]. От себя добавим: и студентов, поскольку в школе зарубежная литература практически не преподается, даже в рамках внеклассного чтения, а на филологических факультетах вузов входит в учебный план.

Выводы. В связи с вышеставленной проблемой основой патриотического воспитания, на котором делает акцент нынешняя государственная политика не только в средней, но и в высшей школе, на занятиях по истории зарубежной литературы должна, во-первых, стать формула: патриотизм — это любовь к своей стране, а не ненависть к чужой. Во-вторых, целесообразно зарубежную литературу (в т.ч. современную) преподавать в контексте русско-зарубежных связей, а также сквозь призму сравнительного анализа произведений отечественных и зарубежных авторов, используя проблемный подход, что будет способствовать также критическому (аналитическому) мышлению. Что касается практического применения результатов исследования, целесообразно для студентов-словесников разработать коллоквиум (6 академических часов) на тему «Тема второй мировой войны в русской и зарубежной прозе», привлекая материал как отечественной, так и зарубежной прозы.

1. Воннегут, К. Бойня №5. Пер. с англ. Р. Райт-Ковалевой. – М.: АСТ, 2020. – 221 с. - URL: <https://booksonline.com.ua/view.php?book=9293> (дата обращения: 01.02.2022).
2. Зотов, Г. «Неужели так много?». Немцы не знают, сколько русских убили их предки // Аргументы и факты. - 08.05.2013. URL: https://aif.ru/society/history/neuzheli_tak_mnogo_nemcy_ne_znavut_skolko_russkih_ubili_ih_predki (дата обращения: 01.02.2022).
3. Зусак, М. Книжный вор. – М.: Эксмо-Пресс, 2017. – 608 с. – URL: <https://www.litres.ru/markus-zusak-2/knizhnyy-vor/chitat-onlayn/> (дата обращения: 01.02.2022).

4. Киселева, А. "Книжный вор" и "Воровка книг": роман и экранизация / В сборнике: Русская литература и диалог культур в эпоху глобализации. Материалы II Всероссийской студенческой научно-практической конференции. Ответственный редактор Е.И. Лелис. – С.-Пб: Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения, 2019. – С. 131-135.
5. Комова, Е. Э. Взаимодействие художественных языков в романе М. Зусака "Книжный вор" // НАУКА. ТВОРЧЕСТВО: Сборник научных статей. – Самара: Издательство: ООО «Офорт»: Самарская государственная областная академия (Наяновой), 2015. – С. 167-173.
6. Мировая пресса о романе «Книжный вор». – URL: <https://www.litres.ru/markus-zusak-2/knizhnyy-vor/chitat-onlayn/> (дата обращения: 01.02.2022).
7. Модриано, П. Дора Брюдер. Пер. с фр. Н.О. Хотинской. – М.: Текст, 2014 – 160 с.
8. Модриано, П. Улица темных лавок. Пер. с фр. М. Зонина – М.: Азбука, 2015. – 192 с.
9. Прилепин, З. Нас не надо жалеть. - https://vk.com/wall-69956821_169612
10. Радаева, Э.А. Тема преодоления нацистского прошлого в русской и немецкой литературе (на примере творчества Б. Шлинк и Г. Бакланова) // Память о прошлом – 2020: сборник докладов и сообщений IX историко-архивного форума (Самара, 23-24 апреля 2020 г.). – Самара: РГА в Г. Самаре, 2020. – С. 284-292. ISBN 978-5-6040544-6-8
11. Якшибаева, М. Д. Принцип контраста в произведении М. Зусака "Книжный вор" / В сборнике: Текст: филологический, социокультурный, региональный и методический аспекты. Сборник материалов VI Международной научной конференции. Под редакцией Г.Н. Тараносовой, И.А. Измestьевой. – Орск, 2019. – С. 468-474.
12. Ясакова, Е. А. Проблема интерпретации событий второй мировой войны на уроках литературы в современной школе / В сборнике: ПРОБЛЕМЫ ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ. Межвузовский сборник научных трудов. Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. – Саратов, 2020. – С. 66-71.

**THE THEME OF THE SECOND WORLD WAR IN RUSSIAN AND FOREIGN PROSE:
THE PROBLEM OF TEACHING MODERN FOREIGN LITERATURE
IN LINE WITH THE PATRIOTIC EDUCATION OF YOUTH**

© 2022 E.A. Radaeva

*Ella A. Radaeva, Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Russian
and Foreign Literature and Methods of Teaching Literature*

<https://orcid.org/0000-0003-4209-1951>

E-mail: ellrad@yandex.ru

**Samara State Social and Pedagogical University
Samara, Russia**

The article is devoted to the problem of interpreting the events of the Second World War in modern foreign literature (namely: the role of the USSR in the Victory over fascism is hushed up, the emphasis is placed exclusively on the genocide of Jews during the war, but not Soviet citizens in general), questions of teaching discipline to philology students. The material was mainly the novel by M. Zusak "The Book Thief", as well as the prose of P. Modiano, B. Schlink. The author comes to the conclusion that the basis of patriotic education, which is emphasized by the current state policy not only in secondary, but also in higher education, in classes on the history of foreign literature, should, firstly, be the formula: patriotism is love for one's country rather than hatred for a stranger. Secondly, it is advisable to teach foreign literature (including modern) in the context of Russian-foreign relations, as well as through the prism of a comparative analysis of the works of domestic and foreign authors, using a problematic approach, which will also contribute to critical (analytical) thinking. As for the practical application of the research results, it is advisable for language students to develop a colloquium (6 academic hours) on the topic "The theme of the Second World War in Russian and foreign prose", involving material from both domestic and foreign prose.

Keywords: patriotic education, modern foreign literature, M. Zusak "The Book Thief", B. Schlink, P. Modiano, G. Baklanov
DOI: 10.37313/2413-9645-2022-24-82-45-53

1. Vonnegut, K. *Boynya №5*. Per. s angl. R. Rayt-Kovalevov (Slaughterhouse-Five, or The Children's Crusade; 1969). – М.: AST, 2020. – 221 s. - URL: <https://booksonline.com.ua/view.php?book=9293> (data obrashcheniya: 01.02.2022).

2. Zotov, G. «Neuzheli tak mnogo?». Nemtsy ne znayut, skol'ko russkikh ubili ikh predki ("Is it really so much?". The Germans do not know how many Russians were killed by their ancestors) // Argumenty i fakty. - 08.05.2013. - URL: https://aif.ru/society/history/neuzheli_tak_mnogo_nemcy_ne_znayut_skolko_russkikh_ubili_ik predki (data obrashcheniya: 01.02.2022).
3. Zusak, M. Knizhnyy vor (The Book Thief). – M.: Eksmo-Press, 2017. – 608 s. – URL: <https://www.litres.ru/markus-zusak-2/knizhnyy-vor/chitat-onlayn/> (data obrashcheniya: 01.02.2022).
4. Kiseleva, A. "Knizhnyy vor" i "Vorovka knig": roman i ekranizatsiya / V sbornike: Russkaya literatura i dialog kul'tur v epokhu globalizatsii. Materialy II Vserossiyskoy studencheskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Otvetstvennyy redaktor Ye.I. Lelis ("The Book Thief" and "The Book Thief": novel and adaptation / In the collection: Russian literature and dialogue of cultures in the era of globalization. Materials of the II All-Russian student scientific-practical conference. Managing editor E.I. Lelis). – S.-Pb: Sankt-Peterburgskiy gosudarstvennyy institut kino i televideniya, 2019. - S. 131-135.
5. Komova, Ye. E. Vzaimodeystviye khudozhestvennykh yazykov v romane M. Zuzaka "Knizhnyy vor" (Interaction of artistic languages in M. Zusak's novel "The Book Thief") // NAUKA. TVORCHESTVO: Sbornik nauchnykh statey. – Samara: Izdatel'stvo: OOO «Ofort»: Samarskaya gosudarstvennaya oblastnaya akademiya (Nayanovoy), 2015. – S. 167-173.
6. Mirovaya pressa o romane «Knizhnyy vor» (World press about the novel "The Book Thief"). – URL: <https://www.litres.ru/markus-zusak-2/knizhnyy-vor/chitat-onlayn/> (data obrashcheniya: 01.02.2022).
7. Modiano, P. Dora Bryuder (Dora Bruder). Per. s fr. N.O. Khotinskoy. – M.: Tekst, 2014 – 160 s.
8. Modiano, P. Ulitsa temnykh lavok (Rue des boutiques obscures). Per. s fr. M. Zonina – M.: Azbuka, 2015. – 192 s.
9. Prilepin, Z. Nas ne nado zhalet' (We should not be sorry). – URL: https://vk.com/wall-69956821_169612
10. Radayeva, E.A. Tema preodoleniya natsistskogo proshlogo v russkoy i nemetskoy literature (na primere tvorchestva B. Shlinka i G. Baklanova) (The theme of overcoming the Nazi past in Russian and German literature (on the example of the works of B. Schlink and G. Baklanov)) // Pamyat' o proshlom – 2020: sbornik dokladov i soobshcheniy IX istoriko-arkhivnogo foruma (Samara, 23-24 aprelya 2020 g.). – Samara: RGA v G. Samare, 2020. - S. 284-292. ISBN 978-5-6040544-6-8.
11. Yakshibayeva, M. D. Printsip kontrasta v proizvedenii M. Zusaka "Knizhnyy vor" / V sbornike: Tekst: filologicheskyy, sotsiokul'turnyy, regional'nyy i metodicheskyy aspekty. Sbornik materialov VI Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii. Pod redaktsiyey G.N. Taranosovoy, I.A. Izmest'yevoy (The principle of contrast in the work of M. Zusak "The Book Thief" / In the collection: Text: philological, socio-cultural, regional and methodological aspects. Collection of materials of the VI International scientific conference. Edited by G.N. Taranosova, I.A. Izmest'ieva). – Orsk, 2019. - S. 468-474.
12. Yasakova, Ye. A. Problema interpretatsii sobytiy vtoroy mirovoy voyny na urokakh literatury v sovremennoy shkole (The problem of interpreting the events of the Second World War at the lessons of literature in a modern school) / V sbornike: PROBLEMY FILOLOGICHESKOGO OBRAZOVANIYA. Mezhvuzovskiy sbornik nauchnykh trudov. Saratovskiy natsional'nyy issledovatel'skiy gosudarstvennyy universitet imeni N. G. Chernyshevskogo. - Saratov, 2020. - S. 66-71.